

ВОИН В САКРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ¹

Антон Платов

Возможно, идея воинского служения, сами его принципы – самая сохранный часть нашего языческого наследия. Конечно, мы многое утратили и еще большее исказили за последние полторы-две тысячи лет, но героизм по-прежнему остается героизмом, трусость – трусостью, преданность по-прежнему не бывает «второй свежести».

Быть может, такая устойчивость – пусть и относительная, в наш век глобализма и потребительской культуры – является следствием того, что само служение воина прямо связано с нахождением на грани Жизни и Смерти, а граница эта меньше всего располагает к ханжеству и лицемерию, столь характерным для молодых мировых религий...

И все же, утрачено очень многое – катастрофически многое. Я не считаю, что эти потери невосполнимы, но для того, чтобы снова обрести Воина таким, каким он был во времена наших далеких предков, необходимо обратиться к древней языческой Традиции во всей ее полноте. Ведь *сакральная Традиция* – термин гораздо более широкий, нежели языческая религия в собственном смысле этого слова.

Что такое *Традиция*?

Слово *традиция* в контексте сакральном может принимать два *очень* разных значения – вне зависимости от того, какие эпитеты его сопровождают.

Очень многие, произнося словосочетание «сакральная Традиция», подразумевают некое всеобъемлющее учение, в отдаленной древности позволявшее людям достигать невиданных высот духовности и магии, и в значительной степени утраченное к настоящему времени.

Принимающие Традицию в этом значении, как правило, принадлежат к одной из двух категорий.

Либо – это последователи ряда старых и новых эзотерических школ (теософии или New Age, например), для которых «все религии – лишь разные пути к одной вершине», а сакральная Традиция, соответственно, – всего лишь некая великая – и абстрактная! – пра-религия, из которой все прочие и произросли. Об этой категории мы говорить не будем – к тематике очерка их взгляды не имеют ни малейшего отношения.

Либо – это представители старой школы традиционализма во главе с Рене Геноном и иже с ним – безусловно, вызывающие искреннее уважение, но... Но, увы, печально свешивающие головы, обреченно констатируя смерть исконной Традиции и постулируя невозможность ее реставрации без слияния с Христианством или Исламом. В каком-то смысле они правы, ведь то, о чем *они* говорят, восстановить действительно невозможно.

Это – о первом значении.

Во втором своем значении термин «сакральная Традиция» допускает употребление *во множественном числе*. Так, например, именно столкновением Традиций стала «первая в мире война», как ее называет скандинавская Старшая Эдда, – гибель лунной Традиции Старой Европы под натиском наших предков – индоевропейцев, несших с собой новую, солнечную сакральную Традицию (III-II тыс. до н.э.).

¹ Текст приводится по изданию: А.Платов. *Воин в сакральной Традиции* // Родноверие, №1 (6), 2012.

Традиция в этом втором значении – это ***отработанная тысячелетним опытом сакральная система регулирования жизни народа – от его взаимодействия с богами до устройства родовых, семейных и производственных отношений.***

В качестве современного примера можно привести сакральную Традицию Китая, – пусть многоликая и неоднозначная (включающая в себя, например, противоборствующие и дополняющие друг друга даосизм и конфуцианство), и тем не менее, объективно определяющая духовную, а во многом – и социальную жизнь каждого принадлежащего к ней китайца. никоим образом и никогда не соприкасалась она с Традицией наших предков, во многом отличается от нее (иногда – диаметрально), однако выполняет те же базовые функции.

Очевидно, что таких глобальных систем в мире всегда было – и, вероятно, будет – несколько. Даже если говорить только о «корневых» Традициях, существующих многие тысячелетия, то наряду с китайской сакральной Традицией необходимо будет упомянуть и индийскую, и иудейскую, и, вероятно, не только их. А ведь есть еще и «суб-традиции», искусственно сформированные совсем недавно: Христианство, Вуду, Ислам...

...Конечно, если мы хотим серьезно говорить о возрождении, мы должны рассматривать сакральную Традицию именно в этом, втором значении – неразрывно связанном с народом, этносом, расой. Эту родную для нас с Вами Традицию можно называть по-разному, но я предпочитаю термин ***Северная Традиция***, как наиболее, на мой взгляд, корректный.

Архетипы Северной Традиции и традиционное общество

Наши предки считали, что бытие есть волшебная ткань, сплетаемая Богинями Судьбы, и каждое событие – узелок этой ткани – происходит именно тогда и именно так, как того требует сплетаемый узор. Наверное, совсем неслучайно то, что ряд принципиально важных для возрождения Традиции открытий в областях психологии, этнопсихологии, истории религий был сделан именно сейчас, во времена *Сумерек Богов* – кризиса традиционной цивилизации.

Одно из таких открытий связано с обнаружением своего рода дискретности, «разделенности» человеческого бессознательного и, соответственно, его мироощущения, мышления и, в конечном итоге, – всей его жизнедеятельности. Пионером в этой области стал величайший, возможно, психолог XX века Карл Густав Юнг, обнаруживший и выделивший как в личном, так и в коллективном бессознательном самостоятельные и четко определенные образы, которые и были им названы *архетипами* (т.е. «первообразами»). Несколько позднее работа в этом направлении была продолжена великолепным этнопсихологом и историком религий Мирчей Элиаде, указавшим на аналогичную архетипную «дискретность» мифологического и религиозного мышления.

Развивая мысль Элиаде и Юнга уже с точки зрения сакральной Традиции и, соответственно, памятуя о том, что *«то, что внизу, – как то, что вверху»*, мы по-новому можем взглянуть на политеизм Северной Традиции. Действительно, ведь если *микрокосм* – человек – есть лишь отражение Мироздания, *макрокосма*, то и «дискретность», разделенность на архетипы, свойственная глубинам человеческого существа, должна быть лишь отражением аналогичной «дискретности», «разделенности» реально действующих в мире Сил, т.е. Богов. А значит, и сами человеческие архетипы – будь то архетипы бессознательного или архетипы мышления – суть отражение Богов в зеркале микрокосма.

Как для серьезных исследователей, так и просто для людей, достаточно хорошо знакомых с Северной Традицией, очевидно, что пантеон наших предков – это отнюдь не хаотический «набор» неких божеств, но строгая и внутренне гармоничная сакральная система. Говоря о верховных богах древних индоевропейцев, видный французский исследователь Ж.Дюмезиль выделял три основные их группы и, соответственно, три основные божественные функции:

1. Боги плодородия
2. Боги-громовержцы, боги войны
3. Боги смерти и магии

Во многих случаях данные боги и почитались совместно, образуя триединое божество. Известнейший тому пример – Тримурти Индуизма, объединяющий Брахму, Вишну и Шиву и, соответственно, их «качества»: Рождение, Благо и Смерть. Аналогичная триада присутствует и в любой ветви Северной Традиции; причем, в славянском, например, язычестве нам хорошо известны и воплощающие это триединство божества: Триглав, Троян и другие.

И этот же триадный принцип на земном уровне реализовывался в древнем традиционном обществе в виде деления общества на три основных сословия (касты или, точнее, варны):

каста <i>/инд. наим-ие</i>	сакральная функция	социальная функция	боги Триглава	сакральная категория
Маги и Учителя <i>/Браман</i>	магия	управление	Велес, Луг, Один	Смерть
Воины <i>/Кшатрий</i>	самопо- жертвование	защита	Перун, Тор	Жизнь
Хозяева <i>/Вайшья</i>	плодородие	обеспечение	Дажьбог, Фрейр	Рождение

Важно понимать, что изначальная причина формирования кастового общества древности имеет отнюдь не социальный, но *сакральный* характер. Как боги людей Традиции воплощают один из трех «мифологических архетипов», так и сами эти люди (за исключением, разве что, изгоев – неприкасаемых) реализуют в себе одного из богов Триглава - Мага, Воина или Хозяина. И именно поэтому не само по себе право рождения как таковое обеспечивало в древнейшем кастовом обществе принадлежность человека к одной из трех каст, но – степень проявленности в нем одного из трех основных архетипов.

Каждый Маг, каждый Воин и каждый Хозяин древности не просто принадлежал собственной касте, но, фактически, воплощал в себе (и осознавал это!) одного из Богов, одну из ипостасей Триглава. Именно этим определялась его жизнь, его ценности и его отношение к миру, к людям и к себе самому. Так, например, Воин, служащий ради денег, – это такой же нонсенс, как поэт, творящий стихи лишь потому, что за это платят. И дело, разумеется, отнюдь не в абстрактной «нравственной» приемлимости или неприемлимости такой материальной «мотивации», но в том, что Воин – как и Поэт – это не «профессия», а *состояние* человека или, точнее, – его *внутренняя сущность*.

...Сколько бы ни проходило времени, Боги остаются Богами, и люди – так же, как и в древности, – по-прежнему рождаются Магами, Воинами или Хозяевами. Однако одно из глобальных следствий де-традиционализации нашего общества именно в том и заключается, что эти традиционные архетипы Белой расы оказались к настоящему времени вывернутыми наизнанку и превращенными в профессии. Именно таким путем мы получили вместо Воина – солдата-наемника, вместо Мага или Жреца – попа, встреча с которым, по народным приметам, сулит несчастье, и вместо Земледельца – вечно полупьяного «колхозника».

...Сегодня нам хорошо известно, что человеческий мозг мало изменился за несколько десятков тысячелетий, прошедших с момента возникновения вида *Homo Sapiens*. Это означает, что, помести мы древнего человека с рождения в современные условия, и он вполне может вырасти хорошим инженером или писателем. И наоборот – отправь современного ребенка в далекое прошлое, и выйдет нормальный кроманьонец. Что уж говорить о временах гораздо менее отдаленных – о временах расцвета Традиции!

Мы сегодня – те же люди, что и наши языческие предки. Изменились не мы, – изменилась среда. Мы больше не используем традиционные технологии высвобождения истинной внутренней сущности человека; лишь в народных обрядах, фольклоре, эпосе мы видим отголоски традиций, определявших некогда путь становления человека.

Но это вовсе не означает, что Путь утрачен безвозвратно.

Путь Воина

Оставляя в стороне собственно боевую подготовку будущего воина, можно сказать, что путь его становления определяется в сакральной Традиции двумя вещами.

Прежде всего, это, конечно, формирование картины мира, соответствующей Традиции, и обретение комплекса нравственных, этических и сакральных ценностей – как свойственных любому человеку Традиции, так и специфически воинских (о некоторых из них мы упомянем чуть позже). Эта работа осуществлялась и старшими товарищами (в том числе – и личным примером), и наставниками из первой касты – магами и учителями. Но этого недостаточно.

Одна из важнейших черт Северной Традиции – *ее изначально инициатический характер*. Это, прежде всего, означает, что различия между разными категориями индивидуумов являются *сущностными* и, говоря вообще, магическими. Ребенок и взрослый, землепашец, воин и маг, раб и свободный – все эти и другие категории лиц различаются не только – *не столько!* – своим социальным статусом, сколько *внутренним* качеством, своей внутренней природой и внутренней же сущью.

Соответственно, и границы между этими категориями или группами людей имеют характер сущностный, магический, – они непреодолимы обыденным, не-магическим путем. Инициация в Традиции и является тем доступным человеку инструментом – магическим инструментом! – который позволяет ему умереть по одну сторону от границы и возродиться по другую – в другом качестве, в другой категории лиц.

Второй необходимый фактор становления воина – это цепь посвящений, последовательно изменяющих его внутреннее состояние.

Собственно говоря, каждая каста в Традиции имела собственную систему инициаций, включающую как возрастные, так и специализированные посвящения. Каста воинов – не исключение. Характерный специализированного посвящения здесь – инициации скандинавских берсерков, в результате которых воин обретал

сверхъестественные быстроту и мощь, нечувствительность к боли и другие специфические качества: «Они шли без кольчуг и иных доспехов, они кусали края своих щитов и были сильны, как медведь или боров. Они убивали людей, но ни огонь, ни железо не могли причинить вреда им» (Сага об Инглингах).

Однако, нас здесь гораздо больше интересует сам *путь* Воина.

Как и путь любого другого человека Традиции, он начинается с самого первого посвящения, совершаемого, как правило, в первые же дни жизни. Согласно традиционным представлениям, только что родившийся ребенок не только не имеет пола, статуса и других признаков человека, но и вообще не является таковым. Так же, как и роженица, он сохраняет связь с *Иным Миром*, откуда только что явился; как и роженица, он «нечист». Эта связь родившегося с *Иным Миром* рвётся первым возрастным посвящением – наречением детского имени.

Значение первого, следующего сразу за рождением, имянаречения в Традиции огромно. Во-первых, как только что было сказано, наречение имени очищает родившегося, разрывает его связь с Миром Мертвых, где всё *безымянно*. А во-вторых, имянаречение символизирует: пришедший в Мир Живых *будет человеком*, ибо звери тоже умеют рожать детенышей, но не умеют давать им имена.

Вместе с детским именем родившийся получает и свой первый статус в сообществе людей - в мире - он становится *дитём*. Заметьте, русское слово *дитя*, *дитё* - среднего рода. Действительно, дети в традиционных обществах считались бесполоыми и воспитывались женщинами семьи или рода все вместе, без разделения на мальчиков и девочек.

Следующее посвящение – в возрасте 5-7 лет – преследовало две цели: введение в пол и введение в род. На Руси, например, именно в этот период дети впервые одевали женскую юбку (или поневу) или – мужские порты. С момента завершения инициации они – уже не бесполое дети, но *ребёнки*, мальчики и девочки, – воспитывались раздельно и начинали осваивать навыки и умения, необходимые, соответственно, мужчинам и женщинам.

Второй аспект данной инициации – введение в род в качестве младших его членов. Социальный статус ребенка в архаике соответствовал социальному статусу раба. Собственно говоря, русское слово *ребенок*, украинское *паробок* происходят от той же древней основы, что и слово *раб*; общее восточнославянское *хлопец* – это тот же *холоп* и т.д. Статус холопа/хлопца характеризуется отсутствием как прав, так и обязанностей – кроме права на долю в пище и обязанности беспрекословного подчинения старшим членам рода. Холоп и хлопец не имеют в традиционном обществе даже права отвечать за свои поступки – за преступления, совершенные ребенком или рабом, всегда расплачивается родитель или хозяин.

Для потомственных воинов данное посвящение имело и еще один смысл – определение его судьбы. На Руси эта инициация именовалась *постриг* и в нашем случае знаменовала *рождение нового воина*. Как правило, она сопровождалась вручением первого личного оружия, и во многих случаях прошедший посвящение мальчик фактически ставился младшим членом дружины и поступал в обучение к «дядькам» – воинам-наставникам.

Источники сохранили для нас описание примера такого посвящения – пострига княжича Александра Ярославича – будущего Великого Князя Владимирского и выдающегося полководца средневековой Руси. Конечно, этот обряд уже наполнен православной символикой, но, как я уже упоминал в самом начале, *сущность* свою воинская традиция сохраняла очень долго, несмотря ни на какие влияния извне.

Согласно описанию, формальная сторона обряда начиналась с отстригания пряди волос (реликт древнего жертвоприношения части самого себя – крови или волос). После этого княжича опоясали боевым мечом (таким, какой ему под силу было нести) и усадили на коня.

Важно отметить, что постриг Александра Ярославича был совершен очень рано – когда тому было около четырех лет. Это понятно – ведь родился не просто новый воин, но – новый Князь. Столь раннее пострижении княжича – залог того, что, даже если погибнут все старшие князья, в княжеском роду найдется мужчина, который при необходимости поведет за собой воинов – сколько бы лет ему ни исполнилось (и такое бывало).

Наконец, третья, основная, инициация проводилась по достижении ребенком возраста 13-15 лет и представляла собой, фактически, превращение во взрослого человека и полноценного члена рода, наделенного самостоятельностью и полным (или почти полным) набором прав и обязанностей. Именно это посвящение наиболее полно следовало традиционному инициатическому «пути через Смерть», на котором ребенок терял свое детское имя и, возрождаясь в качестве взрослого, получал новое имя, которое и считалось единственно настоящим.

Об этом – самом важном из всех возрастных – посвящении великолепный историк религий Мирча Элиаде пишет: «Посвящение вводит неопита одновременно и в человеческое общество, и в мир духовных ценностей. Он узнает правила поведения, производственные приемы и организацию взрослых, а также мифы и священные традиции племени, имена богов и историю их деяний и, что особенно важно, мистические отношения между племенем и Сверхъестественными Сущностями, в том виде, в котором они установились в начале мира...»

Эта инициация предполагала еще и ряд испытаний (иногда довольно жестких), задача которых – подтвердить право иницируемого быть человеком. Для воинской традиции этот аспект посвящения имеет особое значение, ведь испытание проходит еще и его стойкость, смелость, отвага – все те качества, без которых воин немислим.

Достояние Воина

Среди факторов, определяющих достоинство воина, есть его личные качества, которые формируются во время его становления и совершенствуются во время его служения. Это безусловная верность Князю, готовность к самопожертвованию, разумеется, храбрость и т.д. Но есть среди этих факторов и то, что является его достоянием – личным или коллективным (относящимся к дружине), – достоянием, которое можно приобрести и можно утратить.

Это Честь воина, его Удача и его Слава.

Понятие Чести мало изменилось за тысячелетия, прошедшие со времен расцвета Традиции, а вот Удача и Слава, увы, уже утратили свой древний сакральный смысл. И потому здесь есть необходимость рассказать о них.

«Удачи!» - привычное пожелание, произносимое русскими при расставании, и соответствующие ему древне-скандинавское «Auja!» и древне-среднеевропейское «Aja!» мы понимаем сейчас просто как пожелания везения. Между тем эти восклицания, имеющие, как будет видно дальше, магический, заклинательный характер, связаны с одним из важнейших представлений нордической Традиции.

Понятие *Удачи*, как мы видим его в этнографических материалах и в древних скандинавских сагах, означает отнюдь не «везение», но некую важнейшую интегральную характеристику человека. В скандинавских текстах мы можем встретить такие формулировки, как «у него была хорошая Удача» или «у него была плохая Удача», «он приобрел (или потерял) Удачу, совершив то-то и то-то», «его Удача стала более (или менее) хорошей». В русском языке до сих пор сохранились выражения, отражающие те же представления: «его Удача оставила его», например.

Скандинавский термин **Auja**, обычно переводимый на русский как «удача», подразумевает под собой не только «везение», но и счастье, радость, силу. О викинге, которому повезло в бою, говорили, что он победил, потому что у него была хорошая Удача; но так же отзывались о том, у кого ладно строились корабли, чья жена рожала много детей, кто умел вести за собой людей. Таким образом, «везение» – это только одно – хотя и характерное – из проявлений Удачи. Сама же она понималась древними нордами как особое личное [магическое] могущество (др.-исл. **Megin**), приносящее удачу в узком смысле слова и благо вообще.

Так же и русское слово **удача** само по себе не связано с «везением», хотя благоприятное стечение обстоятельств мы до сих пор понимаем как одно из проявлений Удачи. Однако само это слово происходит от глагола **дать** и подразумевает значение «то, что дано». Как характеристика конкретного человека, Удача – это то, что ему дано. И если речь идет о язычестве, то Удача - это то, что дано богами.

Таким образом, если говорить о Северной Традиции в целом, Удача – это некая сила, определяющая жизнь человека, его успех и неуспех, его счастье и несчастье. Наши предки видели Удачу едва ли не основным достоянием человека – князь, обладавший обширными землями и золотом, но – плохой Удачей, не стоил ничего перед простым воином, чья Удача была хороша.

В частности, это связано с «заразностью» Удачи. Многие князья эпохи викингов и Средневековья стремились зазвать в свои дружины воинов, известных большой хорошей Удачей: она может распространиться на всю дружину. И наоборот - Удача князя распространяется на его людей. Переходя, как то часто бывало, от одного вождя к другому, викинги выбирали хёвдинга, обладавшего хорошей Удачей. Великий Новгород выбирал себя князя, оценивая характер его Удачи; князь, потерявший хорошую Удачу или приобретший плохую, изгонялся. В древней Ирландии существовали специальные ритуалы оценки «истинности» будущего верховного короля, поскольку возведение на престол «не-истинного» короля, т.е. короля, обладавшего плохой Удачей, приводило к неурожаю, падежу скота и кровавым междоусобицам.

Удача мыслилась силой, тесно связанной со *Славой* – еще одной важнейшей ценностью традиционной культуры. Слава - как и хорошая Удача – была необходимой частью власти любого воина и любого князя; с этим связаны, например, сакральные русские княжеские имена (Владислав, Ярослав, Мстислав и т.д.). Многие военные походы совершались в раннем Средневековье не столько из соображений материальных, сколько – ради Славы, о чем говорят нам многочисленные эпические произведения о вождях и героях. Как и Удача, Слава могла наследоваться от предков - упоминания о такой Славе, называемой *задней* или *прадедней* (т.е. доставшейся от прадедов), мы видим, например, в Слове о Полку Игореве:

*Тии бо бесъ щитовъ, съ засапожники,
кликомъ плъкы побъждають,
звонячи въ прадедную Славу².*

Потомки, обладающие наследственной прадедней Славой, могут увеличить ее, но могут и *выскочить из Славы*, утратить то, что досталось от дедов:

*Ярослави и все внуче Всеслави!
Уже понизите стязи свои,
вонзите свои мечи вережени,
уже бо выскочисте изъ дедней Славе...*

²Т.е. [русы] побеждают [вражеские] полки кликом, призывая прадедную Славу.

Так почти случилось с русским княжеским родом, когда

*на реце на Каяле тьма светъ покрыла:
по Русской земли прострошася половци, акы пардуже гнездо...
Уже снесся Хула на Хвалу;
уже тресну Нужда на Волю,
уже врежеса Дивъ на землю...*

К нашей с вами прадедней Славе, хорошая Удача Рюриковичей была велика и позволила певцу, сложившему Слово, закончить его знаменитым:

*Слава Игорю Святославличю,
Буй Туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Здрави князи и дружина,
побарая за христьяны на поганья плъки!
Князем Слава а дружине!*

Такое восславление – обязательный элемент традиционного эпического стихосложения – имеет характер очевидно магический, связанный с пониманием взаимообращаемости Удачи и Славы. В Скандинавии скальдическая песнь Славы получила специальное название – *драпа*; сложение и исполнение драпы считалось лучшим, что скальд мог сделать для своего князя. Ибо как добрая Удача рождает добрую Славу, так и Слава привлекает Удачу к своему обладателю.

Заключение Воин и Смерть

Конечно, Воин на пути своего служения постоянно сталкивается со Смертью; он убивает и умирает сам, защищая своего Князя, свою землю и свой народ. Но я здесь хотел сказать о другом.

Смерть является еще и важнейшим его инструментом. Не в отношении его работы на поле боя – в отношении его работы над самим собой.

Известные обращенные к его воинам слова Святослава о том, что «мертвые сраму не имут», – это не просто констатация очевидного факта, что честь Воина стоит больше его жизни. Это еще и напоминание.

Готовность Воина к самопожертвованию – это больше, чем просто готовность умереть за что-либо, которую может проявить человек любой касты. Это – *намерение* умереть, когда того потребует ситуация.

Разумеется, каждый из нас хочет жить. И, тем не менее, это намерение – такой же необходимый инструмент Воина, как магия – инструмент Мага, или хлеб – инструмент Крестьянина. Без этих инструментов никого из них просто не существует.

*Путь самурая обретается в смерти.
Если, укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, Воин сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен. Вся его жизнь будет безупречна, и он добьётся успеха на своем поприще.*

Ямамото Цунэтомо,
Кодекс самурая (Хагакурэ, «Сокрытое в листве»)